

Дети подземелья

-----:)
Книга: В.Г.Короленко "Дети подземелья"
Издательство "Народная асвета", Минск, 1979
Художник П.В.Калинин
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 7 октября 2001
-----:)

В.Г.Короленко изображает тяжелую жизнь городской бедноты в царской России, с нежностью и любовью пишет о детях, которые в условиях бесправия и нищеты умеют ценить дружбу и человеческую отзывчивость.

Книга адресуется детям младшего и среднего школьного возраста.

1. Развалины

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшийся своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, - никто не окружал меня особенно заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и напоминало любой из мелких городов Юго-западного края.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной "заставой" [*Застава - заграждение при въезде в город. Устраивалась вначале для защиты от врагов, затем - для сбора денег с проезжающих. Традиционная застава - обычная застава*]. Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум [*Шлагбаум - подъемный брус, преграждающий движение по дороге*], - и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. "Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах темными воротами еврейских "заезжих домов"; казенные учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кричит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута - и вы уже за городом. Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными глазами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове - старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. "На костях человеческих стоит старое замчище", - передавали старожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался еще страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободренные светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса, - так страшно глядели черные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и